

Стоило только войти в кабинет, как Чэнь Синьбо достал из шкафа верхнюю одежду и помог Чэн Хаояню надеться.

Зная, что Чэн Хаоянь вечно легкомысленно относится к холоду, Чэнь Синьбо всегда заранее готовил для него лишнюю вещь.

Сегодня Чэн Хаоянь был в полосатой рубашке: днём, пока светило солнце, в ней, может, и было тепло, но вот находиться в таком виде по вечерам точно не годилось.

Закутав Чэн Хаояня, Чэнь Синьбо наконец принялся за документы, которые только что прислала Чжун Ситан.

Чэн Хаоянь привычным движением открыл шкаф и выудил оттуда припасённые снеки.

Всё это он держал здесь сам. Помимо сладостей, Чэн Хаоянь принёс из дома немало милых безделушек для уюта. Глядя на то, как некогда строгая книжная полка теперь выглядит забавно и по-домашнему, Чэн Хаоянь втайне радовался, чувствуя, что понемногу становится частью жизни Чэнь Синьбо.

Разбор документов не занял у Чэнь Синьбо много времени. Перекусив попутно прямо в больнице, они сели в машину и уехали.

Дом Чэнь Синьбо находился недалеко от больницы, дорога на машине заняла не больше десятка минут.

Чэн Хаоянь наконец-то смог воочию увидеть, как выглядит жильё Чэнь Синьбо, и оно оказалось почти таким, каким он его себе и представлял.

Чэнь Синьбо жил в двухуровневых апартаментах. Пространство было огромным, в оформлении преобладали чёрный, белый и серый цвета — ровно тот же стиль, что и у его бывшего кабинета. В доме царили идеальная чистота и монохромность, из-за чего всё казалось немного пустынным.

Увидев эту знакомую обстановку, Чэн Хаоянь почувствовал лёгкий зуд в сердце — ему безумно хотелось привнести сюда свой собственный стиль.

Заметив огонёк в глазах Чэн Хаояня, Чэнь Синьбо сразу догадался, о чём тот думает. Он взял его за руку, подвёл к прихожей и запрограммировал в умный замок входной двери отпечаток пальца Чэн Хаояня.

Поймав его удивлённый и восторженный взгляд, Чэнь Синьбо пояснил:

— Если захочешь прийти, можешь наведываться в любое время.

А затем тихо добавил с лёгкой улыбкой:

— И можешь привозить с собой любые вещи, если захочешь.

— А если я захочу переехать сюда насовсем?

Чэн Хаоянь пронзительно и горячо посмотрел на Чэнь Синьбо.

Чэнь Синьбо не ответил сразу. Его тёмные глаза слегка потеплели, в них заплясали искры. Он протянул руку, коснулся пряди у виска Чэн Хаояня, затем наклонился и нежно поцеловал его в

мочку уха. Тихо-тихо прошептал ему на ушко: «В любое время», — он вновь легко усмехнулся и добавил: — Когда будешь готов. Сказав это, Чэнь Синьбо с довольным видом посмотрел на донельзя покрасневшие уши Чэн Хаояня и, оставив его стоять в полном оцепенении, просто отвернулся и ушёл.

Чэн Хаоянь чувствовал, что его внутренний процессор перегрелся и сгорел. Мозг наотрез отказывался переваривать информацию: каждое слово по отдельности было понятно, но стоило им соединиться вместе, как смысл ускользал.

Ощущение чужого горячего дыхания словно всё еще застыло на щеке, прикосновение к мочке уха отзывалось острой дрожью, а его слова, его голос, его улыбка — всё это не позволяло лицу Чэн Хаояня остыть. Но при всей своей застенчивости, глядя на удаляющуюся спину Чэнь Синьбо, он чувствовал в себе непреодолимое желание рискнуть.

Едва совладав с головой, Чэн Хаоянь шлёпнул себя по щекам, глубоко вздохнул и пошёл искать Чэнь Синьбо.

Тот уже включил телевизор в гостиной. Откинувшись на спинку длинного чёрного кожаного дивана, он сидел расслабив тело, закинув ногу на ногу: одной рукой он опирался на спинку, а в другой крутил пульт.

На журнальном столике перед диваном красовались печенье и два стакана только что выжатого авокадо-шейка.

Чэн Хаоянь присел рядом с Чэнь Синьбо и, устроившись поудобнее, прижался к нему, устроившись в его объятиях. Рука Чэнь Синьбо, лежавшая на спинке дивана, тут же естественным образом обняла его.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь звуками Мака из телевизора да тем, как какой-то малыш хрустит печеньем.

Прошло минут двадцать, а персонаж, которого играл Чэн Хаоянь, всё не появлялся... Прошло ещё двадцать минут... снова ничего... Наконец он возник в самом конце буквально на две минуты — это была сцена, где Лу Аньян впервые встречается с Ян Сывэем.

В гостиной повисло молчание. Чэн Хаоянь суетливо и сбивчиво попытался оправдаться:

— Я...

Чэнь Синьбо улыбнулся, и его глаза засияли, точно звёзды. Чэн Хаоянь впервые видел, чтобы Чэнь Синьбо так открыто и безудержно смеялся, и от неожиданности на секунду потерял дар речи.

Чэнь Синьбо потрепал волосы Чэн Хаояня и произнёс:

— Хаоянь прекрасно справился. Пусть всего две минуты, но они заставляют с огромным нетерпением ждать продолжения.

Бух-бух-бух... Что это за звук? Чэн Хаоянь прижал ладонь к груди. Ах, это стучало его собственное сердце — всё громче и быстрее.

Этот глубокий взгляд Чэнь Синьбо, устремлённый прямо на него, был полон радости и нежности, которую было просто невозможно исчерпать. Именно такой взгляд раз за разом

сводил Чэн Хаояня с ума. Ему казалось, что все остальные звуки вокруг разом смолкли, исчезли, и остались лишь барабанный бой сердца да сам Чэнь Синьбо.

Мощная волна любви захлёстывала остатки разума Чэн Хаояня, накатывая одна сильнее другой. Он вцепился в воротник рубашки Чэнь Синьбо и услышал собственный голос:

— Брат, у меня завтра нет съёмок. Я могу остаться здесь на сегодня?

За окном внезапно хлынул ливень, и густые частые капли забарабанили по стеклу с тревожным шумом.

Чэнь Синьбо ничего не ответил, лишь молча всматривался в него. Его глаза напоминали бездонную пучину, скрывающую всё от посторонних глаз.

Нервно глядя на погрузившегося в молчание возлюбленного, Чэн Хаоянь вдруг почувствовал лёгкое раскаяние.

Он осторожно и тихо произнёс:

— Брат, я...

Но не успел он договорить, как мир вокруг перевернулся — его крепко прижали к дивану, и всё его существо захлестнула буря поцелуев, куда более стремительных, чем капли дождя за окном.

Раннее утро после грозы. Солнечные лучи пробивались сквозь облака, бросая на землю пестрые тени. Тонкий луч прорезал щель в занавеске и упал прямо на глаза человеку, спавшему в постели.

Одна рука Чэн Хаояня покоилась поверх одеяла, а сам он был укрыт до груди.

Поморщившись, он слегка приоткрыл глаза, но тут же отвернулся, ослеплённый ярким солнцем.

Потребовалось немало времени, прежде чем сознание Чэн Хаояня начало проясняться. Это была спальня Чэнь Синьбо; тело ощущалось удивительно чистым и свежим, никакой липкости — судя по всему, вчера вечером Чэнь Синьбо уже привёл его в порядок.

Опираясь на руки, Чэн Хаоянь приподнялся. Спальня Чэнь Синьбо изобиловала деталями с металлическим блеском: тёмный паркет на полу, серые шторы, низко висящий подвесной светильник и, конечно же, огромный книжный шкаф.

На прикроватной тумбочке его взгляд зацепился за предмет, совершенно не вписывающийся в обстановку этой комнаты, — наполовину пустую бутылочку лубриканта.

Вчера ему было явно не до того, чтобы обращать внимание на подобные мелочи, но теперь, глядя на неё, Чэн Хаоянь моментально задался вопросом: когда это Чэнь Синьбо успел прикупить такую штуку?

Как назло, в этот самый момент в комнату вошёл Чэнь Синьбо с кружкой воды в руках. Едва переступив порог, он застал Чэн Хаояня сидящим на кровати, сплошь усыпанного отметинами бурной ночи.

У Чэнь Синьбо мгновенно пересохло во рту, он торопливо отвёл взгляд и протянул воду:

— Попей...

— Спасибо... — вымолвил Чэн Хаоянь и тут же услышал, что его голос сел до неузнаваемости. Сделав несколько глотков, он, казалось, о чём-то вспомнил и спросил: — Брат, а откуда у тебя лубрикант? — И после этого воочию наблюдал, как тело Чэнь Синьбо на мгновение замерло. Самым что ни на есть очевидным образом замерло.

А затем он увидел, как Чэнь Синьбо с невинным видом отвёл глаза в сторону, одновременно отворачивая и лицо.

— Я... я приготовил сэндвичи. Сейчас принесу.

И сбежал.

Да уж, именно сбежал.

Чэн Хаоянь искренне считал, что это слово идеально описывало поведение Чэнь Синьбо.

Выходит, Чэнь Синьбо уже давным-давно положил на него глаз...

Получив столь красноречивое подтверждение, Чэн Хаоянь расплылся в счастливой улыбке. Он было попытался встать, чтобы позавтракать (у него отроду не было привычки есть в постели), но стоило ногам коснуться пола, как колени подогнулись, и он едва не рухнул вниз, вовремя успев опереться о кровать.

Чэн Хаоянь закрыл лицо руками: пожалуй, всё-таки стоит позавтракать прямо в постели.

Мэн Ваньчжоу в страшном сне не могла бы вообразить, что из-за одной её брошенной вскользь фразы забирать Чэн Хаояня по утрам на работу теперь придётся совсем в другом месте.

Верно, они съехались.

У Чэн Хаояня имелась некоторая склонность к прокрастинации, но на этот раз переезд поразил всех своей невероятной скоростью.

На фоне оглушительного успеха Мака популярность Чэн Хаояня взлетела до небес, а следом за этим посыпались коммерческие предложения, фан-встречи и, разумеется, новые сценарии.

Правда, в сети творились и не самые приятные вещи: развелось слишком много шипперов, объединявших в пары Лу Аньяня и Ян Сывэя, что шло вразрез с интересами самих актёров.

После случившегося Чэнь Синьбо перестал жаловать Хуан Лэжуна взглядом — впрочем, его лицо и без того редко излучало тепло.

Теперь же, завидев Хуан Лэжуна, он становился и вовсе ледяным. Заметив, как у Чэнь Синьбо то и дело с кулаков сходят побелевшие костяшки, Хуан Лэжун какое-то время боялся даже нос казать на глаза этой парочке.

Что же до самого Чэн Хаояня, то он едва не лишился возможности ходить из-за ревности своего домашнего ревнивца.

Чэнь Синьбо всемерно поддерживал карьеру Чэн Хаояня и позволял ему свободно заниматься тем, что тому по душе.

Но! Ревность и поддержка карьеры — это всё-таки две разные вещи!

Когда в эфир вышла серия, где погибает Лу Аньянь, популярность Чэн Хаояня взлетела новой волной. Лу Аньянь стал для бесчисленного множества зрителей той самой недостижимой белой луной, а его прощальная улыбка, казалось, врезалась в память абсолютно каждому.

Сочувствуя трагической судьбе Лу Аньяня, многие фанаты перенесли эти эмоции и на самого Чэн Хаояня.

На самом деле Чэн Хаоянь прекрасно их понимал. Когда они с Чэнь Синьбо смотрели эту серию дома, он отчётливо чувствовал, как руки Чэнь Синьбо на его талии сжимались всё сильнее.

Лу Аньянь умер, но Чэн Хаоянь остался.

График Чэн Хаояня стал ещё плотнее, но по крайней мере ему больше не приходилось уезжать в глухие горы. Закончив дела, он неизменно возвращался в их общий дом и засыпал, свернувшись калачиком в объятиях Чэнь Синьбо.

По окончании показов съёмочная группа устроила грандиозный банкет в честь завершения проекта, куда пригласили и Чэнь Синьбо.

Хуан Лэжун, провозглашённый лучшим актёром года, сиял от гордости и счастья, но, стоило ему заметить, как Чэнь Синьбо и Чэн Хаоянь украдкой воркуют друг с другом, как ему тут же становилось дурно.

Если это не гармония любви и карьеры, то что вообще такое любовь? Хуан Лэжун даже начал думать, что звание лучшего актёра не так уж и дорогого стоит.

Впрочем, за лучшего друга он искренне радовался. По его собственному выражению, он впервые в жизни видел настолько живого Чэнь Синьбо.

Раньше Чэнь Синьбо относился к собственной жизни с такой железной строгостью, что порой смахивал на бездушного робота.

Теперь же Хуан Лэжуну казалось, что он стал значительно мягче. Было бы ещё лучше, если бы эта парочка перестала демонстрировать свои чувства прямо у него на глазах.

Чэн Хаояню присылали немало сценариев, но всё больше на роли второго плана или же в проекты со слабым сюжетом. Наконец, после долгого ожидания, ему подвернулся именно тот главный проект, которого он так ждал.

Правда, стоило ему открыть этот сценарий, как правый глаз зачастил в нервном тике.

Сценарий был роскошным: сюжет, проработка персонажей — всё на высоте. Вот только почему это оказалась драма о двух главных героях в жанре BL?

Вспоминая недавнюю шумиху с фанатскими пейрингами, Чэн Хаоянь чувствовал, как у него снова начинает ныть поясница.

Продюсеры видели в главных ролях исключительно Хуан Лэжуна и Чэн Хаояня — в конце концов, их совместный пейринг в последнее время пользовался бешеной популярностью. Однако статус Хуан Лэжуна обязывал, и затащить его в подобный проект было непростой задачей.

История крутилась вокруг молодого мастера клана онмёдо Ян Синъяня и таинственного онмёдо Ши Аньвэя. Сюжет описывал их путь от первой встречи через узнавание к взаимной любви и кульминационному противостоянию с Ямата-но Ороты.

— Почему этот Ши Аньвэй кажется мне таким знакомым? — вдруг протянул Хуан Лэжун, листая страницы.

— И не говори, у меня такое же ощущение, — нахмурился Чэн Хаоянь. После слов Хуан Лэжуна он тоже уловил смутное сходство: целый ряд поступков Ши Аньвэя казался подозрительно знакомым.

Тут все трое одновременно подняли головы, переглянулись и пришли к единому выводу: Чэнь Синьбо.

Внешность, характер, даже манера вести себя в зарождающихся отношениях — всё было точь-в-точь списано с одного конкретного человека.

Разница заключалась лишь в том, что у Чэнь Синьбо в жизни были цели и близкие люди, тогда как у Ши Аньвэя — никого.

Но погодите-ка, Чэнь Синьбо вообще-то врач!

Хотя Мэн Ваньчжоу уже давно вынашивала коварные планы затащить Чэнь Синьбо в шоу-бизнес, переходить от мыслей к делу откровенно трусила. Судя по всему, остальные двое подумали о том же самом, и все трое дружно вздохнули. Их синхронная реакция заставила команду продюсеров растерянно хлопать глазами.

Отказываться от такого сценария Чэн Хаояню не хотелось. Если не брать в расчёт жанр броманса, это был действительно первоклассный материал. К тому же, судя по намекам компании, они планировали и дальше продвигать их пару, так что эта дорама должна была послужить отличным трамплином.

После того как Чэн Хаоянь взлетел на волне популярности, тема его личной жизни неминуемо оказалась бы под прицелом, и с какой стороны ни посмотри, появление в кадре самого Чэнь Синьбо было лучшим решением.

Разумеется, затевал он это вовсе не ради того, чтобы крутить служебный роман за счёт компании.

С замиранием сердца Чэн Хаоянь выложил всё это Чэнь Синьбо.

— Хорошо.

— Эй, я так и знал, что ты ответишь согласием, но послушай... «Хорошо»? — Чэн Хаоянь захлопал ресницами. — Но разве тебе не нужно управлять больницей?

— Я справлюсь с тем и с другим. Сейчас работа клиники уже вошла в колею, там нет прежней суматохи, — ответил Чэнь Синьбо. — Правда, некоторые моменты мне всё же придётся обсудить с Мэн Ваньчжоу. Я не могу уделять индустрии слишком много времени.

— Всё обсудим, всё уладим, не переживай! — стоило Чэнь Синьбо договорить, как Мэн Ваньчжоу буквально впорхнула в комнату (видимо, Чэн Хаоянь снова забыл запереть дверь). Чэнь Синьбо лишь улыбнулся и с мягким вздохом посмотрел на него.

Чэн Хаоянь виновато улыбнулся в ответ:

— Бережёного бог бережёт, правда же?

В конце концов Мэн Ваньчжоу покинула дом Чэнь Синьбо в полном восторге. До сих пор ей казалось, что заполучить Чэнь Синьбо в шоу-бизнес — несбыточная мечта, и даже теперь, когда всё получилось, она всё ещё ощущала себя как во сне.

Теперь оставалось только утрясти с компанией все требования Чэнь Синьбо, и дело в шляпе. Думая об этом, Мэн Ваньчжоу чувствовала, как за её спиной вырастают крылья, а душу переполняет боевой пыл.

Проводив Мэн Ваньчжоу взглядом, Чэнь Синьбо вернулся в гостиную, крепко обнял Чэн Хаояня и уткнулся носом ему в шею. Из глубины донёлся приглушённый голос:

— Я никогда не играл в кино. Переживаю, что не справлюсь.

Эти сомнения ничуть не удивили Чэн Хаояня. На самом деле он заметил лёгкое напряжение: пока они спорили с Мэн Ваньчжоу, брови Чэнь Синьбо не разглаживались ни на секунду. И такой живой, сомневающийся Чэнь Синьбо нравился ему куда больше прежнего идеального образа — ведь быть безупречным человеком чертовски тяжело.

Чэн Хаоянь обнял его в ответ, поглаживая по спине:

— Не бойся, я помогу.

Вскоре контракт компании лёг на стол перед Чэнь Синьбо. Пункты договора красноречиво свидетельствовали о том, как сильно постаралась Мэн Ваньчжоу: пусть условия и не дотягивали до идеальных, она всё же выбила для него максимум личного времени.

Ради этого Мэн Ваньчжоу даже дала железную гарантию, что их новая дорама непременно порвёт все рейтинги.

В её глазах читалась затаённая усталость, но взгляд ярко горел — было очевидно, как сильно она воодушевлена.

Чэнь Синьбо подумал, что ему невероятно повезло с таким агентом.

Стоило Чэнь Синьбо подписать бумаги, как название и даты съёмок нового проекта утвердили с молниеносной быстротой.

Дораму озаглавили Сон, а до начала съёмок оставалось ещё немного времени — судя по всему, компания рассчитывала дать Чэн Хаояню возможность выжать максимум из остаточного хайпа Лу Аньяня.

Для самого Чэнь Синьбо это было отличной новостью: он мог потратить этот период на постижение азов актёрского мастерства.

Сценарий оказался превосходным. Возможно, из-за поразительного сходства характеров такому новичку, как Чэнь Синьбо, было на удивление легко вжиться в образ.

Дочитав текст до конца, Чэнь Синьбо ещё долго приходил в себя. Ши Аньвэй был персонажем, способным вызвать лишь щемящую жалость, и на его фоне Чэнь Синьбо чувствовал себя поистине счастливым человеком.

Следующие несколько месяцев они провели словно в отношениях на расстоянии. Чэн Хаоянь целыми днями мотался по съёмкам, то и дело перелетая с места на место, а Чэнь Синьбо тем временем отбывал трудовую повинность в актёрском лагере Мэн Ваньчжоу, умудряясь в редкие крохи свободного времени разруливать дела больницы.

И если Чэн Хаоянь хотя бы летал самолётами, то Чэнь Синьбо дома появлялся реже некуда.

Наконец, в пору цветения сливы маньчжурской, настал день первого съёмочного дня Сна.

Графики обоих наконец-то совпали, и первой задачей стало создание официального тизера.

Образ Чэн Хаояня тяготел к современности, поэтому он освободился от грима гораздо раньше.

Его волосы были слегка завиты в мелкие кудри, что придавало ему мальчишеский, очаровательный и чуточку наивный вид.

Ходили слухи, что стиль Чэнь Синьбо будет традиционным, с элементами древности, а значит, ему потребуется парик. Потирая руки от предвкушения, Чэн Хаоянь неотрывно уставился на плотно закрытую дверь гримёрки Чэнь Синьбо.

Дверь распахнулась, и на площадке воцарилась абсолютная тишина. Мэн Ваньчжоу тут же расплылась в счастливой улыбке: оно того стоило, определённо стоило!

Перед ними предстал мужчина в тёмно-синем каригину, искусно расшитом изысканными узорами.

Воротник был окантован золотой нитью, гармонизировавшей с таким же поясом на талии.

Его чёрные как смоль волосы удерживала тонкая лента, придавая образу утончённый и благородный вид.

Чэн Хаоянь шагнул вперёд и сделал пару кругов вокруг Чэнь Синьбо.

До чего же хорош! И этот красавец — его мужчина!

Не будь вокруг столько народу, Чэн Хаоянь непременно набросился бы на него с поцелуями.

По сюжету тизера Ши Аньвэй получает семейное задание изгнать злых духов и натывается на Ян Синъяня, выполняющего ту же миссию. В кланах онмёдо действовало негласное правило: двум разным родам запрещалось братья за одно поручение одновременно, поэтому при первой встрече Ян Синъянь проникся к Ши Аньвэю глубокой неприязнью.

В процессе изгнания нечисти всё идет не по плану: появляется куда более опасный монстр, чем предполагалось изначально. Пока растерянный Ян Синъянь суетится без толку, Ши Аньвэй легко и непринуждённо справляется с угрозой, используя древнейшие техники искусства онмёдо, о существовании которых соперник даже не слыхивал.

Это происшествие в итоге и связывает Ши Аньвэя и Ян Синъяня ещё более крепкими узами.

— Стоп! Чэнь Синьбо, перестань смотреть на Чэн Хаояня таким нежным взглядом! Сейчас по сюжету между ними нет никакой связи, сделай лицо холоднее!

Режиссёр кричал стоп уже в третий раз. По правде говоря, Чэнь Синьбо понятия не имел, как именно нужно смотреть на человека ледяным, отрешённым взглядом — особенно если этим

человеком был Чэн Хаоянь.

Заметив, как хмурится Чэнь Синьбо, Чэн Хаоянь внезапно нашёл выход. Подойдя к нему, он кончиками пальцев разгладил его межбровье и шепнул:

— Просто представь на моём месте Хуан Лэжуна.

С тех пор как поднялась шумиха с шипперами, Чэнь Синьбо в принципе перестал достаивать Хуан Лэжуна взглядами. Совет, конечно, вышел не слишком благородным, но зато чертовски эффективным.

По крайней мере, стоило Чэн Хаояню произнести это, как в глазах Чэнь Синьбо исчезли любые следы присутствия посторонних людей. Воцарились лишь пустота, безмолвие и абсолютная бесстрастность — словно в этом мире для него не существовало никого и ничего. Это был фирменный взгляд Ши Аньвэя.

С завершением съёмок тизера у них наконец-то выдалась пара свободных часов. Они провели их вместе: гуляли, ужинали, а ночью тоска друг по другу казалась настолько сильной, будто они хотели буквально раствориться друг в друге.

Не будь у Чэн Хаояня на следующий день запланированных съёмок, Чэнь Синьбо ни за что не отпустил бы его так просто.

Компания не стала прятать образы персонажей и вскоре выложила их в сеть.

Глазастые фанаты с первого же взгляда узнали в исполнителе роли Ши Аньвэя того самого загадочного мужчину, с которым Чэн Хаоянь выходил из больницы.

Да это же те самые горячие кадры, что недавно гремели в трендах!

Я и раньше знала, что он красив, но не до такой же степени!

Они что, решили собрать канон ещё до премьеры?!

С такой внешностью я на всё согласна! Ой, мамочка!

Стоп, мой пейринг ещё даже не начался, а уже подошёл к концу?!

Исторические костюмы просто отвал башки!

А как его зовут?

Чэнь Синьбо?

Раньше не слышала, новенький?

А вдруг играть не умеет?!

И почему такую красоту прятали от нас? Компания, вы горим в аду!

Мы же вроде как близкие люди, почему я узнаю об этом последней?!

...

В интернете царил полный разнобой мнений — хвала и критика смешались в кучу, но проект в любом случае снова вылетел в топы трендов.

Раньше Чэн Хаоянь жутко боялся, что подобные обсуждения могут задеть Чэнь Синьбо. Но к его величайшему удивлению, тот вообще не пользовался соцсетями, а его единственный аккаунт в инстаграме был подписан исключительно на него самого.

Тем временем на фан-встречах Чэн Хаояня стенания по поводу судьбы Лу Аньяня сменились вопросами о дате выхода новой дорамы и о том, появится ли там Чэнь Синьбо.

Судя по всему, степень принятия Чэнь Синьбо публикой оказалась на удивление высокой.

Стоило кому-то в очередной раз поинтересоваться у Чэн Хаояня: «Какой он, этот Чэнь Синьбо?», как тот расплывался в сладкой улыбке и отвечал:

— Брат замечательный.

Помимо самого Чэн Хаояня, празднуя дебют друга (точнее, его «уход в актёры»), Хуан Лэжун тоже громко заявил в соцсетях, что Чэнь Синьбо — его сокурсник по университету, человек невероятно талантливый и близкий друг.

В итоге, даже не успев толком мелькнуть на экранах, Чэнь Синьбо уже обзавёлся бешеной популярностью.

При содействии компании он наконец завел официальные аккаунты во всех крупных соцсетях.

Вскоре подоспело и начало съёмок Сна. В качестве камео — отчасти из-за статуса экранного соперника по слухам, отчасти как университетского друга — компания задействовала и Хуан Лэжуна, выделив ему роль Фу Цзыюя, друга Ян Синъяня.

Роль оказалась небольшой, но яркой и запоминающейся.

Получить возможность наблюдать за актёрской игрой Чэнь Синьбо вблизи? Хуан Лэжун считал, что от такого грех отказываться.

В университетские годы он уступал Чэнь Синьбо во всём, и перед каждым экзаменом тот отчитывал его на все лады. Теперь же настала его очередь поучать самого Чэнь Синьбо!

Совершив традиционный обряд молитвы в храме, съёмочная группа дала официальный старт работе, а параллельно в сети запустили тизер.

В отличие от предыдущей церемонии, на этот раз он стоял здесь плечом к плечу с любимым человеком, находясь на самом переднем плане в качестве главного героя — с этого момента они шагали вперёд рука об руку.

В первый раз увидев Ши Аньвэя, Ян Синъянь решил, что этот тип — наглый нарушитель всех правил онмёдо, да к тому же избалованный мажор из какого-то знатного рода, раз смеет соваться на территорию, закреплённую за его кланом.

Однако в процессе борьбы с нечистью продемонстрированные Ши Аньвэем силы и техники повергли Ян Синъяня в шок. По его представлениям — и по меркам старейшин его собственного клана — столь могущественных людей просто не существовало.

Позже, задействовав связи семьи, он выяснил, что Ши Аньвэй не принадлежит ни к одной из

известных школ. Во всяком случае, ни один из влиятельных кланов не имел в своих рядах никого похожего. Ян Синъяню до боли хотелось узнать, где Ши Аньвэй постигал искусство онмёдо, раз тот мастерски владел полностью утраченными техниками.

В эпоху расцвета искусства онмёдо сотни школ соперничали друг с другом — то была величайшая и мирная золотая эра.

Но затем, по неизвестным причинам, пространство раскормило брешь, из которой полезло порождение мифов и легенд — чудовище по имени Ямата-но Ороты.

Вслед за этим на мир обрушились катаклизмы. Возглавляемый тогдашним столпом мира — кланом Ген — союз великих семей попытался уничтожить змея, но сил не хватило. Единственным выходом стало заточение Ямата-но Ороты по ту сторону пространственного разлома. Ценой жизней всех сильнейших мастеров были созданы Врата Шести Путей, запершие чудовище на недоступной стороне.

Именно по этой причине большинство древних техник онмёдо канули в лету в той страшной битве.

Старейшины клана Ян проявляли к загадочной фигуре Ши Аньвэя огромный интерес, но тот казался непробиваемой скалой. Его пустые глаза не давали зацепиться ни за одну эмоцию, поэтому клан возложил всю миссию по сближению с ним на плечи Ян Синъяня.

Пусть Ян Синъянь и был изнеженным богатым наследником, домашние воспитали его на редкость славным и рассудительным юношей. В нём не было ни капли высокомерия, и любой сразу понял бы, что этот ребёнок вырос в любви и заботе. Вопреки своему статусу, Ян Синъянь упорно трудился, испытывая фанатичную страсть к онмёдо и обладая на удивление глубоким, свежим взглядом на это искусство. Признать это не хотелось, но решение его семьи подослать к Ши Аньвэю именно Ян Синъяня оказалось на редкость мудрым.

И пусть Ши Аньвэй оставался ледяным и отстранённым, порой бесследно исчезая посреди разговора, между ними словно существовала невидимая нить: они неизменно сталкивались вновь, а Ян Синъянь, ничуть не смущаясь его холодностью, неизменно лучился искренним теплом.

Возможно, из-за различий в среде, в которой они оба росли, Ян Синъянь смотрел на всё в этом мире хоть и с некоторой наивностью, но на редкость пронизательно. Именно поэтому он даже мог понять часть искусства онмёдо, которое использовал Ши Аньвэй.

Живи он в ту эпоху, Ян Синъянь, пожалуй, оказался бы гением.

Думая об этом, Ши Аньвэй незаметно для самого себя заинтересовался Ян Синъянем. А благодаря неизменной теплоте Ян Синъяня он начал принимать его присутствие и больше не исчезал безмолвно — у него появилась связь с этим миром.

Сами съёмки, по правде говоря, продвигались не слишком гладко. В конце концов, Чэнь Синьбо всё же был новичком, и в некоторых сценах ему не удавалось до конца передать нужные эмоции. Тем не менее, Чэн Хаоянь и Хуан Лэжун часто помогали ему в этом плане. Во время многих дублей Чэн Хаоянь брал инициативу на себя, помогая Чэнь Синьбо войти в нужное эмоциональное состояние, так что в целом итоговый результат выглядел хорошо.

Но для самого Чэнь Синьбо этого было далеко не достаточно. Этот мужчина, бывший к самому

себе невероятно строгим, не позволял себе продолжать в том же духе. Он переложил дела больницы на плечи заместителя главврача, а затем с головой ушёл в актёрские курсы. Чэн Хаоянь несколько раз просыпался посреди ночи и видел, что в кабинете горит свет: через приоткрытую дверь было видно, как Чэнь Синьбо усердно изучает сценарий или перед зеркалом тренирует взгляд и мимику.

Чэн Хаоянь переживал за него, но в то же время прекрасно понимал Чэнь Синьбо — тот был слишком упрямым и гордым. Поэтому Чэн Хаоянь лишь тихонько набрасывал на его плечи плед, заваривал ему чашку молока, а иногда ложился рядом на полу, положив голову на колени Чэнь Синьбо и обхватив руками его талию, но при этом никогда не пытался остановить его.

Однажды Чэн Хаоянь спросил Чэнь Синьбо, не жалеет ли тот, что стал актёром, и не выступает ли против этого его семья.

Погладив Чэн Хаояня по волосам, Чэнь Синьбо ответил: Я считаю, что быть актёром — это здорово, ведь рядом ты, и я чувствую себя счастливым. Что касается моих членов семьи, они очень мне доверяют. Я никогда их не разочаровывал и на этот раз тоже не подведу. После всех приложенных усилий актёрское мастерство Чэнь Синьбо и впрямь заметно возросло.

В то же время в свет вышел трейлер. Образ Чэн Хаояня с кудрявыми волосами покориł сердца бесчисленных поклонниц, а вместе с ним зрители заметили и совершенно бесстрастные глаза Чэнь Синьбо.

Что за человек должен быть обладателем такого взгляда?

Зрители живо заинтересовались персонажем Ши Аньвэя.

Те, кто ставил под сомнение актёрский талант Чэнь Синьбо, тоже умолкли. Помимо двух главных исполнителей, костюмы, грим и реквизит в этом телесериале тоже приятно удивляют: глядя хотя бы на то каригину, в которое облачен Чэнь Синьбо, становится понятно, что к делу подошли действительно с душой.

После выхода трейлера компания также постепенно публиковала различные рабочие материалы со съёмок. Чего стоил момент, когда в одну секунду Чэнь Синьбо еще хранит ледяное спокойствие в образе, а в следующую — уже с мягкой улыбкой нежно смотрится на Чэн Хаояня.

И как после такого кому-то не начать их шипперить? Так пара Чэнь Синьбо и Чэн Хаояня официально предстала перед глазами широкой публики.

К радости многих, отношение Чэнь Синьбо к Хуан Лэжуну наконец-то улучшилось.

Хуан Лэжун всегда очень ценил старания Чэнь Синьбо. Еще со времен учебы в кампусе Чэнь Синьбо выкладывался на полную во всем, за что бы ни брался. Тем не менее, он неизменно считал, что у Чэнь Синьбо скверный характер: если бы в университетские годы они не стали близкими друзьями, Хуан Лэжун был уверен, что они бы постоянно дрались, хотя в немалой степени причиной тому было то, что сам Хуан Лэжун обожал задираť оппонента.

Начав принимать Яна Синъяня, Ши Аньвэй стал сопровождать его во многих миссиях, и сам того не заметив, Ян Синъянь пустил корни в его сердце.

К тому моменту, когда Ши Аньвэй осознал, что влюбился в Яна Синъяня, было уже слишком поздно. Он упивался теплом, которое дарил ему Ян Синъянь, но все же подавлял эти чувства в глубине души, напоминая себе, что у него есть дела, которые он обязан завершить, и они не должны обременять его какими-либо узами с другими людьми.

С тех пор Ян Синъянь больше не видел Ши Аньвэя на заданиях. Впрочем, разве один Ши Аньвэй запутался в сетях любви? Пройдя через совместные испытания жизни и смерти, ощутив ту щепетильную, раз за разом проявляемую заботу Ши Аньвэя, Ян Синъянь уже давным-давно влюбился в него. Однако он не понимал, почему Ши Аньвэй вдруг пропал. И вот однажды, выполняя задание, Ян Синъянь угодил в опасную ситуацию, оказавшись на волосок от гибели — и в этот критический момент тот самый знакомый мужчина снова возник перед ним, преграждая путь опасности.

Ян Синъянь внезапно понял, что Ши Аньвэй все это время находился рядом и никогда не уходил, а также четко осознал, что Ши Аньвэй вовсе не равнодушен к нему.

Однако Ян Синъянь был страшно зол: почему Ши Аньвэй, очевидно испытывая к нему чувства, упорно отказывается сделать хотя бы шаг вперед и даже начинает избегать его?

Ян Синъянь вылил все накопившиеся в сердце вопросы разом. Ши Аньвэй лишь слегка вздрогнул всем телом, но ничего не ответил и вновь предпочел уйти — стоило ему захотеть скрыться, как никто не мог его остановить. Но какой-то безмозглый юный господин полез на рожон и едва не погиб, силой заставив Ши Аньвэя вновь объявиться.

Ши Аньвэй был страшно зол. Как этот человек посмел так поступить? Неужели он совсем не боится смерти?

Вспомнив, в каком положении только что находился Ян Синъянь, Ши Аньвэй понимал: приди он хоть немного позже, и Ян Синъянь, пожалуй, уже был бы мертв. От этой мысли спину Ши Аньвэя покрыл холодный пот.

Столкнувшись с яростью Ши Аньвэя, Ян Синъянь счастливо улыбнулся и произнес: — Потому что я верю тебе.

После короткого замешательства Ши Аньвэй сдулся, словно проколотый мяч.

Он опустился на колени перед Ян Синъянем.

Низко опустив голову, он не знал, о чем и думать, пока Ян Синъянь не почувствовал холод на тыльной стороне ладони — только тогда он понял, что Ши Аньвэй плачет.

Ши Аньвэй сказал: — Если после того, как я расскажу тебе о том, что лежит на моих плечах, ты все равно согласишься принять меня, я больше не стану прятаться от тебя. Давай будем вместе.

Все началось с событий тысячелетней давности.

С той битвы, что коренным образом изменила Искусство онмёдо.

Ши Аньвэй был последним Тайным Сокровищем, оставшимся после того сражения.

Само название Тайное Сокровище естественным образом подразумевает вещь, а не человека.

Изначально Ши Аньвэй должен был стать новым главой клана Гэндзи. С детских лет на него возлагали огромные надежды, в его обучение вкладывали всевозможные ресурсы, и Ши Аньвэй оправдывал ожидания, оказавшись величайшим гением за последние несколько веков.

Когда в мир явился Ямата-но Ороты, принесенные им бедствия можно было назвать настоящим концом света. Глава клана Гэндзи, который приходился Ши Аньвэю отцом, возглавил поход: он собрал всех одаренных мастеров из других семей, желая уничтожить Ямата-но Ороты. Однако чудовище некогда сражалось на равных с самими богами, и хотя они подготовились основательно, сил убить его у них все равно не было.

Тогда клан Гэндзи прибегнул к Тайному Сокровищу — Вратам Шести Путей, чтобы вновь отделить реальность от пространства и заточить Ямата-но Ороты внутри Врат. Цена же активации Врат Шести Путей равнялась жизням всех онмёдо.

На смертном одре глава клана Гэндзи поведал Ши Аньвэю, что Врата Шести Путей не смогут вечно сдерживать Ямата-но Ороты. Они превратили проход, соединяющий чужеземный мир и Врата Шести Путей, в мост, и тысячелетия спустя, когда Ямата-но Ороты сможет прорвать печать, Ши Аньвэй должен будет разрубить этот мост пополам, чтобы монстр больше никогда не смог по нему пройти.

Однако платой за это стало бы вечное заточение Ши Аньвэя внутри Врат Шести Путей.

Чтобы Ши Аньвэй обрел способность разрубить мост, отец собственными руками превратил его в Тайное Сокровище. Суть Сокровища заключалась в том, чтобы использовать тело Ши Аньвэя как сосуд для накопления силы до тех пор, пока Ямата-но Ороты не сможет прорвать печать, а нужная мощь не будет собрана. О том, что случится с телом Ши Аньвэя после использования сил, которые оно не в силах вынести, глава клана Гэндзи умолчал, но Ши Аньвэй и сам мог догадаться.

Он дал Ши Аньвэю колокольчик, сказав, что тот имеет ту же природу, что и Врата Шести Путей. Колокольчик должен был прозвенеть трижды: первый звон означал, что Ямата-но Ороты пробудился, второй — что он штурмует печать, а третий, последний раз, когда колокольчик зайдет в неистовом звоне и расколется, возвестит о моменте, когда Ши Аньвэю пора войти во Врата.

И последним делом он наложил на Ши Аньвэя проклятие бессмертия и неуязвимости до завершения возложенной задачи.

В тот год Ши Аньвэю исполнилось двенадцать лет. Глава клана Гэндзи оказался прекрасным лидером, но скверным отцом.

Обретя статус Тайного Сокровища, Ши Аньвэй погрузился в долгий сон. Тайная техника непрерывно меняла его тело, так что к двадцати пяти годам оно перестало расти.

Когда Ши Аньвэй пробудился вновь, минуло уже более пятисот лет, и мир претерпел грандиозные изменения.

В ту пору Ши Аньвэй оставался ребенком с разумом двенадцатилетнего подростка. Его использовали, обманывали и даже убивали. Из-за дара бессмертия и нетленности его схватили ради опытов, и сколько времени он провел в погруженных во мрак лабораториях, он не помнил. Невыносимая некогда боль притупилась, пока он наконец не отыскал шанс сбежать.

Он утратил способность кому-либо доверять. У него не было ни друзей, ни близких, ни единой знакомой души; он жил лишь ради того, чтобы в грядущем дне обрести покой в смерти. Так этот человек, спотыкаясь, блуждал по неизведанному миру.

А затем колокольчик наконец — как и должно было случиться — прозвенел в первый раз.

После этого Ши Аньвэй встретил Ян Синъяня. За столь долгое скитание по свету он впервые увидел человека вроде Ян Синъяня, чье сердце было преисполнено любви и нежности. Тот еще толком не разбирался в этом мире, но искренне желал, чтобы каждый жил в благополучии, изо всех сил стараясь с помощью собственного Искусства онмёдо защитить каждого встречного. Как бы ни было трудно или опасно, он никогда не отступал, упрямо шагая вперед.

Но у Ши Аньвэя почти не осталось времени. Ян Синъянь и представить не мог, какой тяжелый груз нес на своих плечах Ши Аньвэй. Он не знал, какими словами утешить его, но Ши Аньвэй ошибочно принял это за страх, горько улыбнулся и поднялся, собираясь уйти.

Однако Ян Синъянь резко притянул его к себе, и его прохладные губы коснулись губ Ши Аньвэя. В момент замешательства тот услышал слова Ян Синъяня:

— Я помогу тебе найти способ снять проклятие. Ямата-но Ороги — это беда нашего мира, а не только твоя личная. Мы встретим это вместе.

Ян Синъянь сказал Ши Аньвэю, что нынешний мир совсем не похож на прежний: связь стала такой удобной, и если раньше на доставку письма уходили месяцы, то теперь требуются считанные секунды. Они обязательно найдут способ спасти его.

Ши Аньвэй впервые в жизни почувствовал тепло своего собственного тела — оно было на удивление мягким и согревающим.

Зерно, носящее имя надежды, наконец проросло в сердце Ши Аньвэя.

Лишь после того, как Ши Аньвэй по-настоящему принял Ян Синъяня, он ощутил другую сторону этого мира.

Если прежде мир казался Аньвэю жестоким и равнодушным, то теперь он стал нежным и ласковым.

Ян Синъянь взял Ши Аньвэя с собой, чтобы познакомить со своим другом Фу Цзыюем, который был его другом детства.

Фу Цзыюй тоже принадлежал к влиятельному клану и обладал уникальной сетью информаторов, так что лучше него для помощи с проблемой Ши Аньвэя нельзя было и придумать.

Ян Синъянь познакомил Ши Аньвэя со множеством вещей, которые тот никогда в жизни не пробовал: они впервые пошли в парк развлечений, впервые попробовали мороженое, впервые держались за руки, греясь на солнышке в парке, впервые обнялись и поцеловались, и было еще бесчисленное множество других первых раз.

Ян Синъянь никогда не скрывал своих отношений с Ши Аньвэем, поэтому его семья очень быстро всё узнала.

Мать Ян Синъяня была падка на красивую внешность, и, едва увидев лицо Ши Аньвэя, она без лишних слов дала свое согласие. Отец Ян Синъяня воспринял новость с некоторой сложностью, но ничего не мог поделать с выбором любимого сына, и когда его отношение уже начало смягчаться, Ян Синъянь добавил:

— Ши Аньвэй настолько силен и при этом свободен от любых кланов и сект, так что если он сойдется со мной, то просто войдет в нашу семью зятем на правах мужа. Разве вы не хотите заполучить в дом такого могущественного человека? Окей! Дело в шляпе!

Глядя на царившую в доме Ян гармонию, Ши Аньвэй отпустил свои прежние страхи. Стоя у порога снаружи, он с легкой тоской заглядывал внутрь.

У него никогда не было ничего подобного, хотя он всегда об этом мечтал. Всё, что он знал в детстве, — это строгость родителей, а после — лишь одиночество.

Заметив стоявшего у дверей Ши Аньвэя, Ян Синъянь взял его за руку и втащил в комнату. Ши Аньвэй вновь ощутил нежность, принадлежащую только Ян Синъяню.

Казалось, невзгоды наконец отпустили Ши Аньвэя: от Фу Цзыюя пришла весть, что он нашел способ уничтожить Ямата-но Ороты.

Божество Сусаноо оставило в мире меч — Меч Кусанаги, который Сусаноо некогда добыл из хвоста Ямата-но Ороты после того, как тяжело ранил чудовище. Этот клинок способен рассечь абсолютно всё. К тому же у Фу Цзыюя уже появились сведения о местонахождении Меча Кусанаги: хотя путь предстоял далекий, а сами вести были не до конца ясными, у них наконец появилась надежда.

Фу Цзыюй уже отправил людей на разведку.

Ши Аньвэй почувствовал, как оковы, сковывавшие его, наконец рухнули. Он начал учиться радоваться жизни: он ощутил аромат цветов, тепло солнца, сладость конфет и узы,

связывающие людей друг с другом.

Ши Аньвэй подружился и с Фу Цзыюем, который оказался таким же невероятно мягким и добрым человеком, как и Ян Синъянь. Ши Аньвэй наконец-то начал жить нормальной человеческой жизнью.

Эту часть съемок можно было назвать самой гладкой за всю историю: единственной заминкой стал поцелуй, во время которого переполненный любовью взгляд Чэнь Синьбо заставил даже режиссера, следившего за монитором, почувствовать учащенное сердцебиение и втайне зашипперить эту пару.

Еще больше режиссера озадачивало другое: Чэнь Синьбо и Чэн Хаоянь явно встречались.

Почему же ему тогда казалось, что Чэнь Синьбо и Чэн Хаоянь состоят в отношениях?

Неужели это иллюзия? Не могут же они оба до сих пор не выйти из образов!

В конце концов, в сюжете не было никаких бурных эмоциональных качелей.

Придя к такой мысли, режиссер неожиданно поддался смелой догадке насчет постоянных пересъемок сцены поцелуя: а вдруг это было сделано специально?

Впрочем, для режиссера нет ничего лучше, чем прекрасная химия и искренние чувства между актерами. Материала для бэкстейджа набралось с избытком, и кто бы отказался заявить во всеуслышание, глядя на такие кадры, как это мило?

Для Чэнь Синьбо и Чэн Хаояня это было уже практически частью повседневности.

Именно поэтому они играли непринужденно, а любовь в их глазах не была фальшивой. Иные сочли бы это чувством между Ши Аньвэем и Ян Синъянем, но вернее было бы назвать это любовью между Чэнь Синьбо и Чэн Хаоянем.

Чэн Хаоянь действительно чувствовал себя так, будто совмещает работу с оплачиваемым свиданием. Впервые ему показалось, что ходить на работу — это довольно неплохо. К тому же Чэн Хаоянь был абсолютно уверен: дубли в сцене поцелуя Чэнь Синьбо запорол нарочно.

Пожалуй, единственными, кому пришлось несладко, были Хуан Лэжун и Мэн Ваньчжоу.

Хуан Лэжуна уже начинала болеть голова от того, как эта парочка демонстрировала свою любовь и на площадке, и за ее пределами. В какой-то момент ему отчаянно захотелось плюнуть на контракты с компанией и тоже завести себе кого-нибудь.

Неужели эти двое боялись, что кто-то на свете еще не знает об их романе?

Впрочем, было кое-что, что радовало Хуан Лэжуна: он мог с уверенностью заявить, что за время съемок Чэнь Синьбо наслушался ругани в свой адрес больше, чем за последние несколько лет вместе взятые!

Это возвращало в университетские годы, когда он сам ежедневно отчитывал Чэнь Синьбо за бестолковость. Ощущение сладкого облегчения разливалось по всему телу Хуан Лэжуна.

Что же касается Мэн Ваньчжоу, то его сердце каждый день уходило в пятки: он вечно был начеку, готовый в любой момент сорваться с места и броситься загоразживать шкаф от распаковки.

Как он раньше не замечал? Теперь взгляд, которым Чэнь Синьбо смотрел на Чэн Хаояня, был пропитан таким тяжелым собственничеством, что казалось, он готов проглотить его целиком.

Умеренная доля романтики, конечно, шла на пользу популярности, но готовность целоваться в любой момент и в любом месте... По правде говоря, Мэн Ваньчжоу испытывал страх.

Ради повышения интереса публики режиссер выпустил несколько роликов со съемок.

В первом фрагменте Чэнь Синьбо и Чэн Хаоянь сидели рядом за обедом. Чэн Хаоянь совершенно естественно выуживал из тарелки Чэнь Синьбо то, что ему приглянулось, а Чэнь Синьбо смотрел на него с нежной, балующей улыбкой и пододвигал свою тарелку еще ближе.

Заметив, что их снимает камера, Чэн Хаоянь смущенно, но очень сладко улыбался.

Во втором фрагменте после окончания дубля Чэн Хаоянь бросался на Чэнь Синьбо, повисал на нем, начиная капризничать, и даже терся о него щекой.

Чэнь Синьбо на автомате обнимал Чэн Хаояня за талию, гладил по прядям волос и продолжал беседовать с кем-то еще, словно это было само собой разумеющееся дело.

Чжун Ситан, будучи человеком сведущим и по совместительству яркой фанаткой этого пейринга, заявляла: смотреть на то, как привлекательные реальные влюбленные снимаются в драме — сплошное наслаждение!

Эти кадры с бэкстейджа не были постановкой — это была их повседневная жизнь.

Ян Синъянь и Ши Аньвэй отправились в поездку, которую Фу Цзыюй назвал медовым месяцем.

Они вышли из самолета и добрались до отеля уже поздно ночью. Для них был забронирован президентский люкс с огромным панорамным окном.

Ян Синъянь отправился в ванную смыть дорожную пыль, а Ши Аньвэй стоял у панорамного окна, глядя на улицы внизу. Ночные неоновые огни сияли в темноте, словно рассыпанные по небу звезды.

В этот момент зазвонил его телефон. Мобильный аппарат ему купил Ян Синъянь: хотя Ши Аньвэй еще не до конца освоил устройство, с базовым приемом вызовов он уже справлялся.

Выйдя из ванной, Ян Синъянь увидел, что Ши Аньвэй стоит спиной к нему у панорамного окна. В комнате, где находился Ши Аньвэй, свет не был включен, и внутри было темнее, чем на улице, поэтому Ян Синъянь мог разглядеть лишь темный силуэт.

В его сердце шевельнулось смутное беспокойство, и он окликнул Ши Аньвэя по имени.

Тот сразу же обернулся, и в лунном свете Ян Синъянь увидел мягкую улыбку Ши Аньвэя.

Ян Синъянь спросил, почему тот сидит в темноте. Подойдя ближе, Ши Аньвэй принялся вытирать полотенцем волосы Ян Синъяня и ответил:

— Потому что вид снаружи очень красивый. Если включить свет, на стекле появится отражение, и снаружи ничего не разглядишь.

Ян Синъянь босиком выключил весь свет в номере, подбежал и, уютно устроившись в объятиях Ши Аньвэя, с улыбкой произнес:

— Вот так разглядывать будет куда удобнее.

Прильнув друг к другу, они беседовали о разном. Ши Аньвэй достал из-за пазухи два белых камня. Камни были вырезаны в форме магатама и покрыты узорами: сложив их вместе, можно было получить единый, гармоничный круг.

Ши Аньвэй произнес:

— Ты слышал о реинкарнации? Это Камень Реинкарнации, который оставила мне мать. Я читал в книге, что если любящие друг друга люди возьмут по половине такого камня, они непременно встретятся в следующей жизни.

Ши Аньвэй протянул один камень Ян Синъяню со словами:

— Хотел бы ты встретиться со мной и в следующей жизни?

С улыбкой приняв подарок, Ян Синъянь ответил:

— В этой жизни и во всех последующих я хочу быть только с тобой.

Ши Аньвэй целовал губы Ян Синъяня, его шею, ключицы, опускаясь все ниже.

В комнате было темно и тихо, раздавались лишь сдавленные вздохи Ян Синъяня. Он не мог толком разглядеть Ши Аньвэя, из-за чего все его чувства обострились до предела. Нахлынувшая волна наслаждения лишила его возможности думать о чем-либо еще. Если бы Ян Синъянь мог видеть лицо Ши Аньвэя, он бы заметил, сколь бесконечно печальным оно было.

Когда Ян Синъянь проснулся, уже стоял полдень — его разбудило чувство голода. Пообедав, они отправились к знаменитой местной достопримечательности, известной как Дерево Влюбленных. Говорили, что те, кто загадает здесь желание, останутся со своей половинкой навсегда, и ветви дерева были сплошь увезаны красными лентами с желаниями, которые оставляли сюда приезжавшие паломники.

Возможно, сказалась вчерашняя бурная ночь без всяких ограничений, но стоило Ян Синъяню присесть под деревом, как его тут же сморил сон. Он уснул, прислонившись к плечу Ши Аньвэя.

— Можно выходить.

Из-за угла неподалеку вышел Фу Цзыюй. Он смотрел на них двоих со смесью сочувствия и боли в глазах.

Вчерашний звонок поступил от Фу Цзыюя: люди, отправленные им на поиски Меча Кусанаги, доложили, что во время землетрясения десятки лет назад храм, где хранилось оружие, обрушился и ушел под землю. Таким образом, меч оказался погребен глубоко под грунтом, и теперь его необходимо было откопать.

Ши Аньвэй приоткрыл рот, собираясь сказать, чтобы копали — сколько бы времени ни потребовалось, он готов ждать.

Однако этот тихий призыв заглушил особенно громкий и звенящий перезвон колокольчиков.

<http://bllate.org/book/20731/2075381>